

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1909 Г.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ.

(Опытъ характеристики).

ИНУЛО уже 5 лѣтъ, какъ умеръ симпатичный русскій беллетристъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. До сихъ поръ число его поклонниковъ какъ будто не уменьшается, молодежь попрежнему охотно читаетъ его сборники рассказовъ, смотритъ его пьесы, особенно — въ московскомъ Художественномъ театрѣ, а въ годовщину его кончины собирается, хотя не всегда въ большомъ числѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на кладбищѣ котораго находится чеховская могила. Но этого мало. О Чеховѣ и теперь выходятъ въ свѣтъ книги съ воспоминаніями объ усопшемъ писателѣ, издаются его письма; первый томикъ писемъ Чехова къ Н. А. Лейкину издала г-жа Лейкина; въ нынѣшнемъ году нѣкто г. Бочкаревъ (?) издалъ первую часть писемъ Чехова къ разнымъ лицамъ (большинство изъ писемъ, впрочемъ, уже было въ печати) и общаетъ рядъ другихъ... Все это говоритъ о жизненности произведеній писателя, объ извѣстной силѣ его дарованія. И все-таки приходится сказать, что литература о Чеховѣ не содержитъ въ себѣ мало-мальски вѣрной и подробной біографіи писателя. Мнѣ пришлось читать почти всѣ воспоминанія о немъ, мнѣ извѣстны его письма (не изданныя до сихъ поръ) къ Н. А. Лейкину, В. В. Билибину, А. С. Лазареву и къ другимъ его первымъ по времени пріятелямъ и знакомымъ. Письма, конечно, лучше воспоминаній другихъ авторовъ; но этотъ матеріаль имѣетъ и плохую сторону; обыкно-

венно, пишущій письма человѣкъ невольно прихорашивается и открываетъ далеко не всего себя; какой-то мудрецъ даже сказалъ, что письмо—фальшивый паспортъ нашихъ мыслей; наконецъ, самъ Чеховъ относился къ своимъ письмамъ почти какъ къ литературнымъ произведеніямъ и говаривалъ:

— Письмо труднѣе написать, чѣмъ рассказъ! Въ письмахъ приходится любезничать, изворачиваться...

И онъ, дѣйствительно, во всѣхъ своихъ посланіяхъ къ знакомымъ и друзьямъ всегда старался быть любезенъ, милъ, гостепріименъ и благожелателенъ; онъ больше раздавалъ хвалы, чѣмъ порицалъ или упрекалъ; по письмамъ это былъ рубашка-парень, хозяинъ, у котораго гости не переводятся; на самомъ же дѣлѣ Чеховъ, войдя въ извѣстность, ужасался при появленіи всякаго малозначительнаго гостя и не любилъ разговоровъ даже съ близкими знакомыми; только тамъ, гдѣ для самого Чехова имѣлся интересъ, выступали на сцену и любезности, и приглашенія вновь, и дружескіе поцѣлуи. Вотъ почему письма Чехова мнѣ кажутся матеріаломъ одностороннимъ, съ которымъ будущему біографу Чехова придется обращаться съ извѣстной осторожностью и съ неизбежной повѣркой словъ писателя фактическими событіями въ его же жизни. По-моему, самый интересный матеріалъ о Чеховѣ могли бы дать его товарищи по университету, ставшіе впоследствии врачами и навѣщавшіе Чехова. Вообще, тутъ нужны не литературные панегирики, а сырой матеріалъ отъ правдивыхъ людей, знавшихъ тотъ или другой періодъ въ жизни даннаго писателя.

Что касается уже имѣющихся въ печати записокъ гг. воспоминавателей, то въ этомъ отношеніи Чехову совершенно не повезло. И не потому, чтобы ихъ, воспоминавателей и воспоминаній, было мало. Напротивъ, ихъ было очень много. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти воспоминанія представляютъ собою сплошной хвалебный хоръ; тамъ только поклонническій фанатизмъ, и не осталось мѣсто критическому анализу. Прочитавъ подобныя статьи, находишься въ положеніи Гоголевскаго героя Чичикова, введеннаго въ заблужденіе Маниловымъ, выдавшимъ исключительно превосходныя аттестаціи всѣмъ губернскимъ чиновникамъ. Въ воспоминаніяхъ выдана именно такая аттестація не только самому Чехову, но и всѣмъ его родственникамъ, всѣ они тамъ необычайно душевны и прозрачносердечны. Положимъ, о Чеховѣ еще туда-сюда. У всѣхъ литературныхъ Маниловыхъ существуетъ себѣ въ оправданіе старая поговорка: *de mortuis nil nisi bene*, т. е. о мертвыхъ говорятъ лишь хорошее, но безпристрастный біографъ въ будущемъ, отнюдь не желая стать Собакевичемъ, еще менѣе будетъ стремиться къ маниловщинѣ. Просмотрѣвъ нынѣшнія воспоминанія о Чеховѣ, онъ разведетъ руками и скажетъ насмѣшливо:

— Почему же они не хлопотали о канонизированіи Чехова и присныхъ его?

И онъ будетъ имѣть право такъ пошутить. Досадно и обидно за Ан. П. Чехова, когда читаешь белиберду какого-нибудь изступленнаго воспоминателя. Главное, сейчасъ видно, что маленькій чело-вѣкъ старается сплести вензель изъ своего имени съ чеховскимъ. Всѣ воспоминавшіе писали о своей крайней близости съ Чеховымъ, о дружбѣ съ нимъ, о самыхъ трогательныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ, однако, ни близки они были къ Чехову, но даже насчетъ цвѣта его глазъ разошлись, какъ свидѣтели на судѣ въ опереткѣ «Гаспаронъ, морской разбойникъ»; одни увѣряли, что у Чехова «прелестные голубые глаза съ искрой»; другіе писали: у Чехова были глаза «черно-бархатные»; третьи называли глаза «зеленоватыми», и т. п. Много пи-салось о какомъ-то «характерномъ басѣ Чехова», тогда какъ басомъ онъ ни пѣлъ, ни говорилъ. Въ ростѣ писателя также оказались «разныя мѣрки»: кто стоялъ за высокій ростъ, кто за невысокій...

Это незначительное обстоятельство показываетъ, однако, что «близкіе друзья» Чехова на самомъ дѣлѣ очень мало и его самого знали, и, пожалуй, не знали и его сочиненій. Это я вывожу изъ урод-ливыхъ цитатъ, взятыхъ у Чехова, изъ невѣроятныхъ заглавій его повѣстей и т. п. Всю эту воспоминательно-хвалебную, извините за выраженіе, дребедень, на мой взглядъ, будущему біографу Чехова слѣдуетъ вычеркнуть изъ своей памяти, какъ именно досадную ма-ниловщину, вредную и для самого Чехова, и для большой группы его читателей и почитателей.

Моя статья о Чеховѣ не претендуетъ на законченную и строгую обрисовку личности этого писателя. Эта задача не по моимъ силамъ. Вотъ почему я поставилъ въ подзаголовкѣ фразу «опытъ характери-стики», другими словами—это только матеріалъ для составителя біо-графіи Чехова и критической о немъ статьи, составителя серьезнаго, собравшаго матеріалы отовсюду и успѣвшаго въ немъ тщательно ориентироваться. Изъ своей статьи я совершенно устраняю собствен-ную личность и буду приводить лишь факты изъ жизни Чехова, мнѣ доподлинно извѣстные. Ихъ могутъ, впрочемъ, подтвердить нѣкото-рые мои и Чехова общіе знакомые. Очень можетъ быть, что мнѣ при-дется назвать ихъ поименно. Главная же моя опора—моя совѣсть и сознаніе, что самъ Чеховъ, если бы это было возможно, сказалъ, что я не пишу здѣсь ни одного слова лжи. Буду радъ, однако, если меня въ чемъ-либо поправятъ и пополнятъ другіе. Ни отъ поправокъ, ни отъ полемики я, конечно, не отказываюсь.

II.

Ан. П. Чеховъ родился въ Таганрогѣ (17 января 1860 г.). Его ро-дители были люди необразованные, съ головой ушедшіе въ свои мел-кіе интересы, люди даже, судя по отзывамъ многихъ, грубые и, по своему невѣжеству, много зла принесяшіе своимъ дѣтямъ. Особенно

отецъ Чехова, Павелъ Егоровичъ, мелкій торговецъ, отличался по части воспитанія ребятъ «въ страхъ Божиємъ», что на его языкѣ обозначало подзатыльники, дранье ушей и порку розгами.

— Насъ самихъ такъ воспитывали,—говорилъ онъ:—и намъ это пользу принесло!

Выпоровъ дѣтей, Павелъ Егоровичъ шелъ въ церковь, а наказаннымъ велѣлъ садиться за псалтырь и читать столько-то страницъ.

Самъ Чеховъ, уже будучи увѣнчаннымъ Пушкинской преміей, говорилъ одному литератору:

— Знаете, меня въ дѣтствѣ отецъ такъ поролъ, что я до сихъ поръ не могу забыть этого!

И голосъ писателя дрожалъ, такъ остры были его воспоминанія.

Братъ Чехова, покойный художникъ Н. П. Чеховъ, тому же лицу рассказывалъ слѣдующее:

— Нашъ отецъ съ нами жестоко расправлялся. Розгами дралъ всѣхъ, и Александра, и Антона, и меня—нещадно! Къ писаньямъ Антона и къ моему рисованію онъ относился съ досадою или съ глумленіемъ. Особенно преслѣдовали меня. Отецъ выгналъ меня на кухню, сказавъ: «Тамъ малой, а въ комнатахъ красками не смѣй вонять!» И все время меня именovali маляромъ, мазилкой, пачкуномъ, а когда я продалъ первую удачную картину за нѣсколько сотъ рублей и принесъ домой деньги, отецъ деньги взялъ и сказалъ: «И за такую-то дрянъ находятся дураки и большія деньги платятъ!? Удивляюсь!»

О своей матери и Антонъ, и Николай отзывались мягче, но въ семьѣ она, кажется, роли не играла; въ лицѣ Павла Егоровича заключалась не только русская, но даже былая турецкая абсолютная монархія; его слово было законъ для всѣхъ, а десница вѣчно была занята двумя дѣлами поочередно: или творила крестное знаменіе, или раздавала подзатыльники.

Мать Чехова, Евгенія Яковлевна, хотя и была противъ розогъ, но подчинялась волѣ супруга и воспитательнаго вліянія на дѣтей не имѣла. Ея личность отчасти рисуется слѣдующей сценой. Разъ Чеховъ, за чаемъ, говорилъ своимъ знакомымъ:

— Знаете, господа, у насъ «кухарка женится!» Я бы съ удовольствіемъ пошелъ съ вами на свадьбу, но страшно: гости кухарки напьются и насъ бить начнутъ!

— А ты бы, Антоша,—замѣтила мать,—имъ свои стихи прочиталъ; они и не станутъ васъ бить!

Чеховъ, уже издавшій тогда книгу «Въ сумеркахъ», вдругъ нахмурился и сказалъ:

— Моя матушка до сихъ поръ думаетъ, что я пишу стихи!

Вообще всѣ молодые Чеховы (пять братьевъ и одна сестра) вышли изъ очень темной среды. Дѣтство ихъ прошло уныло, въ черной работѣ и зубреніи уроковъ. Три брата—Александръ, Антонъ и Михайлъ—окончили курсъ въ университетѣ, Николай Павловичъ—въ

школъ живописи въ Москвѣ, Иванъ Павловичъ и Марья Павловна служили преподавателями въ городскихъ школахъ. Самымъ талантливымъ изъ Чеховыхъ былъ Николай Павловичъ, художникъ, подававшій блестящія надежды, прекрасно игравшій на роялѣ; ранняя смерть прикончила его грустное (къ сожалѣнію, онъ много пилъ) существованіе. Это былъ человѣкъ немного взбалмошный и вспыльчивый, но открытый, честный и въ высшей степени добрый. Онъ искренно любилъ своего брата Антона, но никогда ему не льстилъ. Антонъ, въ свою очередь, чувствовалъ къ нему глубокое расположеніе. Послѣ Н. П. Чехова осталось немало картинъ и талантливыхъ этюдовъ. Гдѣ они?

«Пописываніе» Антона Павловича, на которое смотрѣлъ, какъ и на «мазню» Николая, «съ высоты непониманія» ихъ отецъ, скоро стало единственнымъ ресурсомъ жизни Чеховыхъ въ Москвѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, Чеховъ не сталъ заниматься практикой (да ея почти и не было), а писалъ рассказы въ «Осколкахъ», «Петербургской Газетѣ» и, постепенно переходя отъ мелочей и шаржей къ беллетристическимъ очеркамъ, все увеличивалъ свой заработокъ. Раньше Чеховъ писалъ въ «Будильникѣ» и «Стрекозѣ», но въ послѣдней его очень обидѣлъ редакторъ И. Ф. Василевскій (Буква), самъ прекрасный юмористъ, не распознавшій таланта Чехова; онъ отвѣтилъ Чехову въ почтовомъ ящикѣ «Стрекозы»: «Нѣтъ, изъ васъ никогда не выйдетъ писателя! Бросьте!» Послѣ этого Чеховъ бросилъ... «Стрекозу». Поэтъ Л. И. Пальминъ рекомендовалъ Чехова Н. А. Лейкину, издателю «Осколковъ». Въ этомъ журналѣ А. Чехонте (псевдонимъ Чехова) быстро развернулся и далъ рядъ маленькихъ превосходныхъ рассказовъ, полныхъ такого заразительнаго юмора, что впослѣдствіи Л. Н. Толстой, читая его рассказъ «Драма», отъ души хохоталъ и совѣтовалъ всѣмъ прочитавъ этотъ чеховскій рассказъ. Изъ «Осколковъ» Чеховъ рискнулъ адресоваться въ «Петербургскую Газету», и ея редакторъ-издатель С. Н. Худековъ, журналистъ опытный, охотно сталъ печатать по понедѣльникамъ рассказы А. Чехонте. Но все это еще не было славой, хотя она стояла у порога квартиры непрaktикующаго врача Чехова. Слава явилась съ переходомъ Чехова въ «Новое Время», гдѣ онъ въ отдѣлѣ «Субботники» напечаталъ одинъ за другимъ лучшіе свои рассказы—«Панихида», «Агао́я», «Вѣдьма» и много другихъ.

Какъ могъ проникнуть въ большую газету начинающій беллетристъ Чеховъ? На этотъ счетъ существуетъ твердо установившаяся, но совершенно невѣрная легенда, будто бы проницательное око Д. В. Григоровича усмотрѣло Чехова въ газетѣ Худекова, и старый писатель поѣхалъ къ А. С. Суворину рекомендовать «новый молодой талантъ». Нѣтъ, это произошло не совсѣмъ такъ. Можетъ быть, Чеховъ никогда не попалъ бы въ «Новое Время», если бы въ этой газетѣ, дѣйствительно, не имѣлось «недреманаго литературнаго ока» въ лицѣ В. П.

Буренина. Ужъ давно этотъ критикъ, просматривая газеты и журналы, замѣтилъ очерки А. Чехонте и не разъ говорилъ въ редакціи «Новаго Времени» при Суворинѣ и другихъ, что въ малой прессѣ и въ лейкиномъ юмористическомъ журналѣ «Осколкахъ» есть маленькій Мопассанъ, какой-то Чехонте, пишущій очень остроумные рассказы. Однажды, бесѣдуя съ заѣхавшимъ въ редакцію Григоровичемъ, г. Буренинъ сказалъ:

— Читали вы рассказы Чехонте? Прочитайте, славная вещь! И хорошо бы его куда-нибудь въ серьезный журналъ пристроить... Увѣряю васъ, это талантъ. Непремѣнно прочтите...

Григоровичъ прочиталъ рассказъ А. Чехонте «Егеръ», рассказъ, по правдѣ сказать, очень подражательный (въ немъ Чеховъ все заимствовалъ изъ тургеневскаго «Свиданія», да и впослѣдствіи онъ бралъ у Тургенева многое...). Но Григоровичъ остался доволенъ, пріѣхалъ опять въ «Новое Время», увидалъ г. Буренина и г. Суворина и сталъ хвалить неизвѣстнаго автора. Тутъ и зародилась мысль пригласить Чехова въ «Новое Время». Первый рассказъ «Панихида», подписанный «А. Чехонте», такъ понравился А. С. Суворину, что онъ телеграфировалъ Чехову, прося разрѣшить поставить подъ рассказомъ настоящую фамилію автора. Чеховъ согласился. Суворинъ съ каждымъ новымъ рассказомъ восхищался болѣе и болѣе. Появленіе свѣжаго и искренняго дарованія радовало этого чуткаго издателя. Радовался и В. П. Буренинъ, написавшій первый фельетонъ о чеховскихъ рассказахъ и расхвалившій ихъ, на зависть всѣмъ молодымъ беллетристамъ. А. С. Суворинъ до того увлекся молодымъ авторомъ, что когда въ рассказѣ «Вѣдьма» старый мужъ, укоряя жену, вытеръ носъ подоломъ своей рубашки и—по выраженію Чехова—«показалъ на животѣ пупокъ, большой и сѣрый, какъ бубликъ»—онъ не вычеркнулъ этого грубо-реальнаго выраженія, несмотря на протестъ В. П. Буренина и другихъ сотрудниковъ.

— Не могу вычеркнуть!—говорилъ г. Суворинъ.—Поправлять Чехова—значить портить...

Рассказы Чехова въ «Новомъ Времени» были подобны свѣтлымъ и шумнымъ ракетамъ, рассыпавшимся разноцвѣтными искрами на темномъ небѣ нашей заурядной повременной беллетристики. Правда, тутъ были кусочки Тургенева, Толстого, даже, пожалуй, Григоровича, но было много и своего, оригинальнаго, интереснаго, смѣлаго и вполне литературнаго. Словомъ, быстро и сразу вознесся къ звѣздамъ этотъ талантъ, и слава съ этихъ поръ надолго осѣнила его симпатичное чело. Чеховъ скоро сталъ моднымъ писателемъ Петербурга. А. С. Суворинъ и его семья души не чаяли въ новомъ сотрудникѣ. Чеховъ получалъ огромный гонораръ, его книги издавались Суворинымъ на льготныхъ условіяхъ (70% въ пользу автора), а когда Чеховъ написалъ (правильнѣе, переписалъ заново) драму «Ивановъ» и

поставилъ ее въ Петербургѣ ¹⁾, на Александринской сценѣ, А. С. Суворинъ далъ о пьесѣ восторженный отзывъ. Въ то время, когда извѣстность Чехова достигла зенита, молодому беллетристу и драматургу-новичку было всего 29 лѣтъ...

III.

Быстрая литературная карьера А. П. Чехова совершенно измѣнила его самого и его отношенія къ окружающимъ. Удача вскружила ему голову. Онъ сталъ суховатъ съ прежними благопріятелями, сталъ глядѣть свысока на знакомства. Прежніе товарищи по небольшимъ изданіямъ казались ему мелюзгой. Москвичи, слыша трубные звуки Петербурга въ честь Чехова, бросились къ нему на поклонъ, съ визитами, — Чеховъ не отдалъ визитовъ, и на слѣдующій годъ къ нему ужъ не пріѣхали. Это ему, можетъ быть, не правилось, но онъ говорилъ:

— Я хорошо отучилъ этихъ визитеровъ! Ужасно надоѣли!

Въ семьѣ Чехова также произошла метаморфоза въ отношеніяхъ. «Антоша» переросъ всѣхъ двумя головами, и передъ нимъ невольно склонилось все. Власть отца давно кончилась, и старикъ-Чеховъ сталъ только говорить своимъ, чтобы смотрѣли, какъ бы постороннія лица «не отбили Антона отъ семьи». Фамильярное отношеніе съ братьями исчезло, только Николай, жившій отдѣльно, остался самимъ собою. Но онъ скоро умеръ...

Со своими старыми пріятелями Чеховъ также держался по иному. Онъ на всѣхъ глядѣлъ покровительственно, въ словахъ былъ небреженъ и не замѣчалъ, если отъ этого страдало чье-нибудь самолюбіе. Его другъ, покойный В. В. Билибинъ, рассказывалъ:

— Встрѣтилъ я Чехова. Неузнаваемъ. Сказалъ мнѣ: вы бы выслали мнѣ свои водевили, я поѣду скоро къ Черному морю, буду ихъ читать; прочту одинъ — и за бортъ, прочту другой — туда же...

Это очень оскорбило Билибина, но, какъ человѣкъ воспитанный и вѣжливый, онъ и виду не показалъ, что обиженъ старымъ пріятелемъ по «Осколкамъ».

Своему брату Ивану Павловичу Чехову Ан. П. подарилъ книжечку «Пестрые рассказы» (въ изданіи Н. А. Лейкина) съ такою явно насмѣшливою надписью: «Протоучителю Іоанну Павловичу Чеховенскому» Насколько же Чеховъ самъ былъ щепетиленъ и обидчивъ, видно изъ такого факта: какая-то барышня подарила Ан. П. свою фотографическую карточку съ надписью: «Глубоко мнѣ преданному Ан. П. Чехову».

Чеховъ сдѣлалъ приписку: «Какое пахальство!!» и прибилъ гвоздиками карточку на стѣну въ своемъ кабинетѣ.

¹⁾ Первое представленіе «Иванова» въ первоначальной редакціи состоялось раньше въ Москвѣ, въ театрѣ Корша; оно потерпѣло полный неуспѣхъ.

Чеховъ охотно оказывалъ протекцію, онъ ужъ чувствовалъ себя на пьедесталѣ, и роль покровителя ему всегда нравилась. Онъ многихъ беллетристовъ «пристраивалъ», но, на ряду съ этимъ, сдѣлался истершимъ къ чужому мнѣнію. Критиковать его произведенія просто, по-пріятельски было уже страшно. Онъ постепенно отодвинулъ отъ себя всѣ авторитеты, сталъ въ роль строгаго критика даже къ большимъ писателямъ.

— Почиталъ я немного «Фрегатъ Палладу», — говорилъ онъ одному знакомому. — Скучная штука... я бросилъ, не дочитавъ и первой части!

Другому знакомому, на замѣчаніе, что онъ оспариваетъ взглядъ Толстого, Чеховъ не безъ надменности возразилъ:

— Что мнѣ вашъ Толстой?!

Покойный поэтъ Плещеевъ, услыхавъ, будто бы Чеховъ поступаетъ редакторомъ «Новаго Времени», написалъ Чехову плаксивое письмо, предостерегая, что въ этой редакціи возлѣ А. С. Суворина толкуются такія лица, съ которыми Чехову нельзя ужиться. Чеховъ раздраженно сказалъ:

— Охъ, эти старые писатели! Это не люди, а иконостасы! На нихъ, какъ на образа, можно молиться, но практическихъ совѣтовъ они дать не могутъ. Плещеевъ пишетъ, что мнѣ сулятъ 500 р. въ мѣсяцъ, и что это меня можетъ соблазнить. Чудакъ онъ, право! Мнѣ 1,000 р. дадутъ, если я пойду! И если я откажусь отъ редакторства, то просто потому, что мнѣ гораздо выгоднѣе писать беллетристику...

Въ этомъ же родѣ онъ послалъ письмо и Плещееву.

Къ этому времени Чеховъ написалъ свою скучную, какъ степь осенью, «Степь», и всѣ его старые благожелатели говорили ему откровенно:

— Это не вашъ жанръ, Антонъ Павловичъ! Разстрѣлять надо того, кто вамъ далъ совѣтъ писать большія вещи!

Но Чехова ждала западня много опаснѣе «Сѣвернаго Вѣстника», гдѣ были все-таки люди съ литературнымъ вкусомъ. Этой западней была мукомольно-литературная «Русская Мысль» г. Вукола Лаврова, про которую самъ Чеховъ раньше говорилъ:

— Она честна, но совершенно бездарна!

Не помню, кто именно, но кто-то изъ сотрудниковъ «Русской Мысли» не то написалъ, не то сказалъ, что рассказы Чехова ничего особеннаго не представляютъ. Это дошло до Ан. П., и онъ очень разсердился; въ то время у Чехова былъ въ гостяхъ А. А. Суворинъ, нынѣшній редакторъ «Новой Руси», и Чеховъ говорилъ ему слѣдующее:

— Лавровъ и Гольцевъ хотѣли пригласить меня въ «Русскую Мысль», но теперь, послѣ выходки противъ меня, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Однако, впоследствии Чеховъ передумалъ и пошелъ въ «бездарную, но честную» ежемѣсячную «Русскую Мысль» и даже скоро сошелся «на ты» съ г. Лавровымъ.

Въ этой «Русской Мысли», дѣйствительно, при редакторствѣ В. Лаврова, человѣка безталаннаго и невѣжественнаго, были сотрудники вродѣ г. Гольцева, безцвѣтность котораго для всѣхъ была вѣдѣ сомнѣній, секретаря и плохого поэта Попова (Монастырскаго) и т. п. Очутившись подъ этой смоковницей безъ плодовъ (какъ Чеховъ рѣшился туда пойти—не понимаю!), А. П. прежде всего выговорилъ себѣ ежемѣсячное вознагражденіе, кажется, по 200 р. въ мѣсяцъ и по сколько-то съ листа, съ тѣмъ, что въ другіе «толстые» журналы онъ не дастъ ни строки. Затѣмъ Чеховъ напечаталъ въ «Русской Мысли» рядъ рассказовъ и повѣстей. Эти произведенія много ниже прежнихъ чеховскихъ рассказовъ, за которые его звали «нашъ Гюи де-Мопассанъ»; нѣкоторые же изъ нихъ совершенно недостойны его, какъ человѣка, потому что являлись прямыми пасквилями. Такова «Аріадна» и рассказъ «Попрыгунья» (напечатанный, впрочемъ,—не въ «Русской Мысли», а въ какомъ-то еженедѣльномъ журналѣ). Въ этомъ рассказѣ авторъ «вывелъ» своего пріятеля, извѣстнаго пейзажиста, И. И. Левитана, теперь покойнаго, и одну даму-художницу, также покойную. Левитанъ, не ожидавшій такого поступка отъ друга юности, хотѣлъ стрѣляться съ Чеховымъ, но послѣ нѣкотораго колебанія написалъ Чехову рѣзкое письмо и надолго съ нимъ разошелся, а отъ дома затронутой дамы было Чехову категорически отказано. Эта печальная выходка Чехова, и даже не однократная, даетъ право съ грустью признать, что Чеховъ былъ далеко не «Христосъ», какъ его именовали въ воспоминаніяхъ, и что его душѣ были доступны вполне низменные страсти. Это особенно замѣтно въ «Аріаднѣ», и когда я читалъ названный рассказъ, я думалъ: что сдѣлалось съ Чеховымъ? Куда дѣвался честный и великодушный А. Чехонте? Откуда эта мелочность и злобная мстительность?

Теперь, послѣ чтенія писемъ Чехова, послѣ нѣкотораго раздумья, я прихожу къ выводу, что Чеховъ сдѣлалъ эти дурные литературные поступки отъ крайняго самомнѣнія, которое развилось въ немъ одновременно съ его прославленіемъ. Молодой писатель возомнилъ о себѣ не какъ о литераторѣ въ удачѣ, а какъ о геніи, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. До геніальности ему было такъ же далеко, какъ было далеко до Чехова его многочисленнымъ подражателямъ. Но, окружая себя только поклонниками, слыша лесть въ семьѣ и отъ постоянныхъ своихъ гостей, Чеховъ рѣшилъ, что онъ писатель перваго ранга, и передъ нимъ должно все склоняться во прахъ. Когда же онъ получалъ отпоръ и отпоръ рѣшительный, это вызывало въ немъ раздраженіе, а раздраженіе толкало къ мести. И онъ, къ сожалѣнію, поддавался этому недостойному чувству..

Но это были его ошибки, въ которыхъ онъ, вѣроятно, самъ раскаивался. Слишкомъ много въ Чеховѣ было хорошаго, чтобы онъ не сознавалъ дурного...

Состороны чисто-литературной его повѣсти въ «Русской Мысли» — «Жена», «Убійство», «Аріадна», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка» и т. п. очень посредственны, вымучены и подчасъ даже смѣшны. Видно, что авторъ желалъ что-то сказать особенно глубокомысленное, но не находилъ ни красивыхъ словъ, ни оригинальныхъ мыслей. Этотъ періодъ былъ какъ бы временнымъ паденіемъ таланта Чехова. Неудача съ «Чайкой» въ Петербургѣ также подрѣзала ему крылья. Публика Александринскаго театра вслухъ обозвала эту пьесу «чепухой», и бѣдный Чеховъ даже заболѣлъ отъ огорченія. Вообще, эти повѣсти въ «Русской Мысли», драма «Чайка» и неожиданная поѣздка на о. Сахалинъ — есть не что иное, какъ метанье Чехова изъ стороны въ сторону. Авторъ «Чайки» самъ бился, какъ раненая птица. Писатель, произведшій самъ себя въ геніи, искалъ геніальнаго сюжета. Нововременскіе успѣхи казались ему мизерны, да и съ направленіемъ этой газеты сталъ расходиться молодой беллетристъ. Онъ ужъ не написалъ бы еще разъ разсказа «Тина», гдѣ жидовка увлекаетъ и обираетъ православныхъ молодыхъ людей. Онъ сильно «полѣвѣлъ», но, увы, нисколько отъ этого, какъ талантъ, не выигралъ.

Кстати. Я до сихъ поръ не понимаю поѣздки Чехова на Сахалинъ. Зачѣмъ онъ туда ѣздилъ? За сюжетами, можетъ быть? Не знаю. Впрочемъ, этого не зналъ и самъ авторъ. Когда его пароходъ стоялъ на рейдѣ, вблизи острова, Чеховъ писалъ, что онъ не понималъ цѣли своей поѣздки и спрашивалъ себя: не вернуться ли назадъ, не высаживаясь на островъ? Честное слово, если бы онъ это сдѣлалъ, русская литература ничего бы отъ этого не потеряла, потому что его книга «Островъ Сахалинъ» есть образчикъ, какъ не надо писать подобныхъ книги. Въ ней Чеховъ доказалъ, что онъ не умѣетъ маломальски картинно описывать то, что видитъ, а его статистика, его таблицы, выкладки — все это за цѣлую милю отъ художественной литературы... Да, вотъ еще: въ «Сахалинѣ» Чеховъ пишетъ, что онъ былъ хорошо принятъ и долго жилъ у какого-то смотрителя (или тюремнаго надзирателя, не помню), а черезъ нѣсколько строкъ сообщаетъ, что это былъ ужасный мерзавецъ... Что же это такое? Вотъ и принимай у себя послѣ этого знаменитыхъ туристовъ! Наконецъ, какъ могъ самъ Чеховъ оставаться у «мерзавца» и долго пользоваться его гостепріимствомъ? Вѣдь не наканунѣ же отъѣзда онъ составилъ о немъ свою убійственную характеристику?

IV.

У А. П. Чехова былъ характеръ тихій, миролюбивый. Раньше, въ началѣ литературной дѣятельности, онъ составлялъ всюду желаннаго гостя; его шутки, остроты, смѣхъ всѣмъ нравились, и самъ онъ былъ симпатичный юноша, роста выше средняго, съ густыми темно-русыми волосами, съ интеллигентнымъ абрисомъ лица, которое освѣщалось задумчивыми карими (а не «прелестными голубыми» или «зелеными», какъ сообщали «друзья» Чехова) глазами. Несомнѣнно, его лицо и характеръ нравились женщинамъ; о своихъ сердечныхъ дѣлахъ Чеховъ говорить не любилъ; извѣстно одно, что студентомъ, посѣщая «Эрмитажъ» Лентовскаго, онъ имѣлъ довольно долгій «романъ» съ французенкой Бляншъ, постоянной посѣтительницей этого сада. Чеховъ любилъ женщинъ, но о ихъ душевныхъ качествахъ былъ невысокаго мнѣнія. Возвратясь изъ кругосвѣтнаго путешествія, онъ говорилъ:

— Что прелесть, такъ это—цвѣтныя женщины!

Его симпатіи склонялись къ актрисамъ; онъ часто совѣтовалъ тому или другому пріятелю:

— Вамъ надо жить съ актрисой...

— Почему именно съ актрисой, Антонъ Павловичъ?

— Онѣ женщины изящныя, интересныя, талантливыя; мѣщанской добродѣтели пополамъ съ пошлостью въ нихъ нѣтъ...

Чеховъ не любилъ прелестей семейнаго очага; его «Три сестры» и многія другія произведенія полны описаній семейныхъ отношеній весьма несимпатичнаго характера; въ семьѣ у него всегда имѣлся адюльтеръ; большинство женщинъ развратны и чувственны, да и мужчины не лучше; женскаго «равноправія» онъ не признавалъ.

«А я вамъ скажу, что женщина всегда будетъ рабой мужчины!» говорить одинъ изъ его героевъ.

Въ концѣ концовъ самъ Чеховъ женился на артисткѣ московскаго Художественнаго театра Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, кажется, по происхожденію нѣмецкой еврейкѣ: актриса она средняго дарованія, нѣсколько однообразная; я однажды видѣлъ ее у Чехова въ гостяхъ (она не была тогда еще объявлена невѣстой А. П.—ча); помню, шелъ разговоръ о молодой дебютанткѣ, которая жаловалась Чехову, что она, по робости, не могла хорошо читать отрывокъ и поэтому не поправила антрепренеру.

— Не понимаю, чего тутъ волноваться? Все это притворство!—сказала будущая жена А. П.—ча.—Коли я что знаю, чѣмъ владѣю, то и въ исполненіи у меня будетъ... Просто дѣвица эта—бездарность!

Чеховъ возразилъ недовольнымъ тономъ:

— Вы неправы. Все зависитъ отъ характера...

Женился Чеховъ оригинально. Онъ и г-жа Книшперъ куда-то уѣхали и потомъ прислали въ Художественный театръ телеграмму за подписью: «Ольга и Антонъ Чеховы».

Оказывается, они обвѣнчались, никого не пригласивъ на свадьбу.

Сойдясь съ Художественнымъ театромъ, Чеховъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя имѣли большой успѣхъ, но совершенно условный успѣхъ.

Во-первыхъ, поставили «Чайку». Какъ извѣстно, въ Петербургѣ она рухнула очень шумно, несмотря на то, что Нину Зарѣчную играла талантливая Коммиссаржевская. Въ Художественномъ театрѣ такой артистки никогда не было, и роль Нины была исполнена плохо. Но... «Чайка» имѣла успѣхъ. Большой успѣхъ, но, какъ я уже сказалъ, условный. Во-первыхъ, тутъ была «пика» Петербургу. Москва дала реваншъ симпатичному Чехову за петербургскія огорченія. «Чайку» поставили съ разными «станиславскими» ухищреніями, и это, какъ новинка, понравилось. Къ сожалѣнію, я не поспѣлъ изъ Петербурга на первое представленіе и видѣлъ «Чайку» въ третій спектакль. Играли недурно, главное, былъ хорошій ансамбль.

Эта удача обрадовала Чехова, и онъ сѣлъ сочинять новыя пьесы, хотя раньше кому-то писалъ (послѣ петербургской неудачи съ «Чайкой»):

— Назовите меня послѣдними словами, если я еще напишу хоть одну пьесу!

Но, какъ человѣкъ безхарактерный, онъ поддавался то одному, то другому настроенію. Послѣ «Чайки» онъ написалъ «Дядю Ваню» (передѣлка изъ его же пьесы «Лѣшій»), потомъ—«Три сестры» и «Вишневый садъ». Всѣ эти пьесы шли въ московскомъ Художественномъ театрѣ и имѣли такой же шумный успѣхъ; Чеховъ, повидимому, былъ доволенъ, хотя болѣзнь его усилилась. Приближался роковой конецъ...

У.

Литературную дѣятельность Чехова можно раздѣлить на три періода: первый—когда онъ писалъ у гг. Лейкина, Худекова и Суворина; второй—годы сотрудничества въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Русской Мысли» и третій—время созданія пьесъ и постановки ихъ въ театрѣ Станиславскаго и Немировича-Данченко, а также время продажи сочиненій А. Ф. Марксу.

Наиболѣе блестящій и удачный изъ періодовъ—первый; небольшіе рассказы Чехова, написанные свѣжо и красочно, исполненные и лиризма, и тонкаго юмора, дали ему славу и прозвище «русскаго Мопассана». За нихъ-то ему и присудили половинную Пушкинскую премію.

Второй періодъ—самый слабый, самый неудачный, присоединивъ сюда и результатъ поѣздки кругомъ свѣта. Припоминаю, какъ когда-то Чеховъ бранилъ «Фрегатъ Палладу» Гончарова за скуку; между тѣмъ его книга «Островъ Сахалинъ»—скука двойная, махровая; недалеко ушли отъ «Сахалина» и повѣсти изъ «Русской Мысли»...

Третій періодъ—драматургія. Онъ скрасилъ послѣдніе годы жизни талантливаго и уже серьезно больного писателя. Пьесы его не имѣютъ особыхъ достоинствъ и не заслуживаютъ того успѣха, какой имъ былъ оказанъ въ Москвѣ, но все-таки Чеховъ вздохнулъ легко. Онъ, какъ всѣ слабые люди, не переносилъ неудачъ, а успѣхъ радовалъ его, какъ ребенка; наконецъ, чествованіе на первомъ представленіи «Вишневаго сада» довершило удовольствіе драматурга. Оно носило очень задушевный характеръ. Лучшее общество Москвы привѣтствовало симпатичнаго писателя, а его видъ всѣхъ глубоко трогалъ. Чеховъ стоялъ на сценѣ; исхудалый, блѣдный, онъ старался казаться спокойнымъ, но, видимо, очень волновался; ему рукоплескала весь зрительный залъ, и можно смѣло сказать, что эта овація была устроена вполнѣ отъ души. И то былъ—привѣтъ прощальный...

Разбирая теперь чеховскія пьесы, видишь, что всѣ онѣ какъ-то искусственно просты и, при этомъ, черезчуръ мрачны. Возьмемъ «Дядю Ваню». Толстой сказалъ, что это—«драма на пустомъ мѣстѣ». Первообразъ этой пьесы—«Лѣшій», шедшій въ Москвѣ, въ театрѣ Абрамовой (конкурентки Корша). Центральной фигурой въ немъ являлся лѣсничій, любящій лѣсъ и разсуждающій о томъ, какова будетъ посаженная березка... черезъ 1000 лѣтъ? Онъ-то и былъ «Лѣшій», не знавшій (вмѣстѣ съ авторомъ), что «тысячелѣтнихъ» березъ не бываетъ. Вся эта пьеса была, по выраженію одного изъ персонажей, «нудная». Она никакого успѣха не имѣла, да и поставлена была покойнымъ Соловцовымъ изъ рукъ вонъ плохо. Но умеръ «Лѣшій»—изъ праха его выросъ «Дядя Ваня», болѣе обработанная въ литературномъ отношеніи вещичка, но, увы, полная тѣхъ же усилий создать глубокую драму тамъ, гдѣ нѣтъ драмы. О «Лѣшемъ» Чеховъ былъ правильнаго представленія и писалъ Куманину (издателю журнала «Театраль»):

— Не губите меня, не печатайте моего «Лѣшаго»!

Насчетъ «Дяди Вани» у него былъ уже другой взглядъ. Одинъ литераторъ видѣлся послѣ спектакля съ удачнымъ авторомъ и откровенно высказалъ ему свою мысль. Онъ говорилъ, что эта пьеса написана какъ бы по заказу, чувствовалось, что автору надо было во что бы то ни стало написать пьесу къ сроку, и онъ это съ натугой выполнилъ. А драмы все-таки незамѣтно!

— Вы ужъ очень строгій критикъ,—сухо сказалъ Чеховъ.— Но публикѣ ничего, нравится... гласъ театральнаго народа—гласъ Божій для драматурга!

По-моему, разъ драматургъ сталъ считаться съ судомъ ординарной публики, значить, онъ поставщикъ пьесъ, а не творецъ ихъ. Чехову это говорить было бы напрасно. Онъ съ довольнымъ видомъ совѣтовалъ многимъ:

— Выгодная вещь быть драматургомъ! Это все равно, если вы ренты на много тысячъ купите и всю жизнь купоны стрижете. Право, я на вашемъ мѣстѣ написалъ бы 30 водевилей. Вотъ мой «Медвѣдь» и «Предложеніе» дали мнѣ массу денегъ. . Большія пьесы—это цѣлыя розсыпи...

Драма «Три сестры» еще менѣе удовлетворила меня, хотя я вовсе не строгій критикъ, а просто человѣкъ, искренно любившій Чехова и желавшій, чтобы онъ написалъ что-нибудь художественное, а не какую-то мозаику фразъ. Герои «Трехъ сестеръ»—не живые люди, а, по выраженію Достоевскаго, «люди изъ бумажки»; кромѣ того, наиболѣе жизненный персонажъ—Соленый—есть сколокъ съ тургеневскаго «Бреттера»... «Вишневый садъ»—та же исторія... И хотя въ этой пьесѣ есть блески былого прекраснаго юмора Чехова, а въ общемъ все-таки это такое же «нудное» произведеніе, какъ и другія хмурыя его драмы... Конечно, мой взглядъ, можетъ быть, ошибоченъ, но что же дѣлать, если я не могу согласиться на иную оцѣнку чеховскихъ драмъ? Скажу откровенно, что для журналиста, не желающаго кривить душой, нѣтъ больше наказанія, какъ писать характеристику трудовъ любимаго литератора и видѣть, что то самое, что этому литератору казалось цѣннымъ и значительнымъ, почти ничтожно и не отвѣчаетъ истиннымъ достоинствамъ автора. Рецензій о пьесахъ Чехова, поставленныхъ въ Художественномъ театрѣ, мало говорятъ уму и сердцу. Тогда была пора похвалъ талантливому Чехову, похвалъ больному писателю, время овацій симпатичному человѣку, этого же взгляда держались и многіе рецензенты, разыскавшіе въ пьесахъ Чехова такія красоты, какихъ, разумѣется, совсѣмъ не было. Нѣтъ, воля ваша, но Чеховъ-драматургъ мнѣ нисколько не симпатиченъ, а передъ Чеховымъ—творцомъ небольшихъ рассказовъ (въ книгахъ: «Пестрые рассказы», «Въ сумеркахъ», «Рассказы») — онъ просто карликъ, вставшій на цыпочки и воображающій себя чрезвычайно большимъ писателемъ...

Чѣмъ руководился Чеховъ, забросивъ свои художественные очерки и ставшій писать нудныя пьесы? Какъ это ни удивительно, а фраза его, что «пьесы писать выгодно», играла для него большую роль. Выгода быть драматургомъ влекла Чехова къ письменному столу. А Чеховъ любилъ заработать побольше, любилъ хорошій гонораръ, любилъ деньги. Съ другой стороны, жена-артистка и близость къ Художественному театру довершили дѣло. Это былъ «тройственный союзъ», сдѣлавшій Чехова-беллетриста драматургомъ, и онъ имъ съ натугой сталъ и имѣлъ успѣхъ, имѣлъ выгоду...

и все же его пьесы не есть событіе въ литературѣ; напротивъ, онѣ ниже многихъ посредственныхъ пьесъ посредственныхъ нашихъ драматурговъ, но, еще разъ скажу, особыя условія создали Чехову-драматургу его особый условный успѣхъ.

Я упомянулъ, что Чеховъ любилъ деньги. Этого мало: онъ былъ прямо скуповатъ. Мнѣ говорилъ одинъ петербургскій литераторъ, что, когда Чеховъ пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ своихъ замѣчательныхъ дебютовъ въ «Новомъ Времени», онъ, между прочимъ, всѣхъ поразилъ своей до смѣшного доходящей расчетливостью. Расчетливость, правда, не порокъ, но и не добродѣтель. Литераторъ-художникъ долженъ менѣе всего быть матеріалистомъ. Но если мы вспомнимъ дѣтство Чехова, его торговлю въ лавочкѣ отца (въ Таганрогѣ), его прежнюю бѣдность, мы многое поймемъ въ обиходѣ Чехова. Когда онъ продалъ Марксу свои сочиненія за 75,000 руб., всѣ почему-то закричали:

— Чеховъ взялъ мало! Чеховъ продешевилъ!

Но Чеховъ не даромъ былъ по природѣ купецъ. Онъ совершенно своевременно продалъ свои сочиненія, а также продалъ одно свое имѣніе (Мелихово), наживъ на немъ тысячъ десять. Вскорѣ послѣ того издатель «Нивы», какъ говорятъ, посылалъ гонца къ г. Горькому и предлагалъ за его сочиненія 100,000 руб. Горькій необдуманно сказалъ довольно дерзкую фразу:

— Передайте Марксу, что я не дуракъ!

Увы! Онъ напрасно не согласился на такую продажу. Пусть теперь попробуетъ г. Горькій, собравъ всѣ силы своего ума, найти покупателя на свои произведенія, хотя бы на сумму чеховской оцѣнки,—результаты его поисковъ, ручаюсь, будутъ неутѣшительные...

Итакъ, Чеховъ зналъ, что дѣлалъ, и соболѣзнующимъ отвѣчалъ:

— Больше мнѣ никто не давалъ, вотъ почему я и продалъ себя за 75,000 рублей.

Пропусти онъ еще года 2—3, можетъ быть, и этой суммы ему бы ужъ не удалось получить. Но онъ не пропустилъ...

VI.

Не расчетливость и не заботы о возможно большемъ полученіи денегъ не позволяли Чехову написать «что-нибудь геніальное». Мысль о «геніальномъ» его, очевидно, сосала, какъ червь. Его герой-писатель говоритъ о своихъ произведеніяхъ:

«Хорошо, но не такъ, какъ у Тургенева. Недурно, но у Гончарова лучше!»—или что-то въ этомъ родѣ.

То же самое было съ Чеховымъ. Оставаясь наединѣ и не слыша лести своихъ близкихъ и знакомыхъ, онъ прочитывалъ свои повѣсти и, вѣроятно, думалъ:

— Хорошо-то оно хорошо, но развѣ можно сравнить съ Тургеневымъ!?

Или:

— Вотъ это мѣстечко удалось... а все-таки у Толстого это безконечно выше!.. и т. д.

Не бѣда была и въ томъ, что у Чехова имѣлись весьма ограниченные знанія. Зубря въ университетѣ свою медицину для того, чтобы потомъ ее быстро забросить и забыть, онъ читалъ мало книгъ, не былъ хорошо знакомъ съ иностранной литературой (напримѣръ, онъ понятія не имѣлъ, когда ѣхалъ въ московскій Малый театръ, на «Эрнани» Гюго—что такое «Эрнани?»), да и русскую-то врядъ ли зналъ основательно. Онъ ужъ послѣ «подгонялъ» себя, читая тѣхъ классиковъ, какіе ему были неизбѣжно нужны. Онъ не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ и въ письмѣ къ г. Соболевскому самъ острялъ надъ собой:

«Я говорю на всѣхъ языкахъ, кромѣ иностранныхъ, и добраться въ Парижѣ съ одного вокзала на другой для меня все равно, что играть въ жмурки».

Совершенно другое не позволило Чехову создать что-либо, что поставило бы его рядомъ хотя бы съ Лѣсковымъ, не только съ Тургеневымъ и Гончаровымъ. Именно: размѣры таланта. Чеховскій талантъ—небольшой и часто подражательный. Чеховъ описывалъ природу по Тургеневу, и про него именно слѣдовало сказать: недурно, но у Тургенева и Гончарова лучше! Затѣмъ, на Чехова, несомнѣнно, вліялъ громадный талантъ Л. Н. Толстого. Великій писатель вообще заслонялъ своей фигурой все на литературномъ небосклонѣ. Всѣ современные писатели заимствовали свой свѣтъ отъ этого солнца, освѣщенъ былъ имъ и Чеховъ; кто знакомъ съ русской литературой, тотъ увидитъ, что во многихъ произведеніяхъ Чехова есть немало оборотовъ рѣчи, «какъ у Толстого», да и всѣ «серьезныя» (и весьма скучныя) повѣсти Чехова написаны съ явнымъ желаніемъ сказать что-нибудь «вродѣ Толстого», значительное и дѣлающее эпоху въ литературѣ. Увы, Чеховъ не могъ сдѣлать эпоху въ литературѣ. Очень недурной юмористъ, интересный рассказчикъ, умный и гуманный писатель, А. П. Чеховъ все-таки менѣе оригиналенъ, чѣмъ даже упомянутый мною Н. С. Лѣсковъ. Но и Лѣсковъ не создалъ эпохи. Повѣсть Толстого «Хозяинъ и работникъ», написанная неожиданно, восхитила всѣхъ образованныхъ людей безъ различія направленій (въ этомъ-то и заключена сила крупнаго таланта!), а повѣсти Чехова въ «Русской Мысли» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ» восхищали только читателей этихъ журналовъ, да и то не всѣхъ, а такъ называемую «прогрессивную» молодежь, которая, можетъ быть, и прогрессивна, но такъ плохо знаетъ русскую и иностранную классическую литературу, что для нея и Чеховъ, какъ современникъ, сущее откровеніе. Чеховскіе герои—

хмурья ничтожества, копающіяся въ своихъ миниатюрныхъ душонкахъ, и это, конечно, не могло не нравиться зеленой и уже «хмурой» нашей интеллигенціи, какую можно въ отношеніи къ наукѣ назвать регрессивной, а отнюдь не прогрессивной. Удивительно хорошо сказалъ въ Москвѣ недавно И. И. Мечниковъ на вопросъ: чего онъ желаетъ русской молодежи?—Побольше работы въ научномъ дѣлѣ, побольше знанія и какъ можно меньше политики!—Вотъ подлинныя слова извѣстнаго ученаго. Это, разумѣется, не понравится тѣмъ, кто въ трудахъ самого Мечникова знаетъ лишь о томъ, что онъ рекомендуетъ ѣсть простоквашу...

Чехова сравнивали съ Гюи де-Мопассаномъ. Почему? Болѣе потому, можетъ быть, что Чеховъ писалъ коротенькіе законченные рассказы, какъ и Мопассанъ. Тутъ есть сходство, но на этомъ оно и кончается. У Мопассана вложено столько чувства и сострадательныхъ къ бѣдному человечеству порывовъ, что его рассказы вызываютъ слезы. Напримѣръ, рассказъ «Шкапъ», какъ женщина извѣстнаго сорта, приводя гостей, прятала своего маленькаго сына въ большой шкафъ. Рассказъ этотъ властно трогаетъ въ вашей душѣ такіе тайники сожалѣнія, которыхъ иной читатель и не подозрѣвалъ въ себѣ, среди будничной своей закоснѣлости. А Чеховъ рѣдко трогалъ своими рассказами, въ особенности—повѣстями и драмами. Въ небольшихъ очеркахъ у Чехова, впрочемъ, попадались вещички «мопассановскаго» душевнаго характера. Напримѣръ, мальчикъ, пишущій письмо «въ деревню дѣдушкѣ», «Отставной рабъ» и немного другихъ рассказцевъ—вещи милыя, теплыя. Но авторъ на нихъ не остановился. Еще бы, это было мелко для него, захваленнаго и самообольщеннаго! Онъ захотѣлъ быть наравнѣ съ Толстымъ. Мало этого. Одинъ знакомый однажды видѣлъ у него сочиненія Толстого; одну повѣсть Чеховъ всю исчертилъ карандашомъ и вставками.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ онъ у Чехова.

— Я исправлялъ повѣсть (не помню, къ сожалѣнію, ея названія) Толстого. Мнѣ хотѣлось показать, какъ я бы ее написалъ...

Итакъ, вотъ онъ куда метнулъ! Но исчертить карандашомъ Толстого или Тургенева нетрудно, а написать что-нибудь подобное ихъ твореніямъ—другое дѣло. Повѣсти Чехова «Три года», «Рассказъ неизвѣстнаго человѣка», «Жена», «Аріадна» и проч.—нѣчто вымученное и холодное, содержащее мнимыя драмы, ни на чемъ здоровомъ не основанныя. Про г. Леонида Андреева графъ Л. Н. Толстой сказалъ: «Онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно». Про эти повѣсти Чехова можно также сказать: онъ хочетъ, чтобы всѣ проливали слезы, а читатель... остается равнодушнымъ.

Про Чехова существовало еще одно фантастическое предположеніе. Кто-то въ печати высказалъ мысль, что Чеховъ не лирическій писатель, а чистый юмористъ. Не имѣя силъ ошеломить и растрогать читателя, какъ Мопассанъ и Толстой, онъ могъ бы стать русскимъ

Диккенсомъ и написать что-либо вродѣ «Записокъ Пикквикскаго клуба». Конечно, это наивно сказать — могъ бы написать вродѣ такого-то извѣстнаго произведенія или вродѣ такого-то. Но если ужъ сравнивать Чехова съ иностранными писателями, такъ всего удобнѣе, дѣйствительно, съ Чарльзомъ Диккенсомъ. Диккенсъ — авторъ юмористическихъ разсказовъ и авторъ «Пикквикскаго клуба» — наиболѣе подходитъ къ прототипу Чехова. Послѣдній всегда былъ талантливъ, какъ юмористъ. Въ этой сферѣ онъ, пожалуй, маленькій Диккенсъ. Разсказы въ «Осколкахъ» времени гг. Лейкина и Билибина являются маленькими шедеврами творчества Чехова. Не даромъ же Левъ Толстой, читая разсказъ «Драма» (описывается, какъ писатель убилъ авторшу, зачитавшую его своей драмой), смѣялся до слезъ. Сюжетъ этой драмы, кстати сказать, далъ Чехову В. П. Буренинъ. Это не шутка — заставить смѣяться Льва Толстого! Словомъ, юморъ Чехова былъ вещь, а его «хмуро-серьезныя» повѣсти, честное слово, если и не «гиль», то, во всякомъ случаѣ, такая же кустарная беллетристика, какъ повѣсти гг. Потапенковъ и Дѣдловыхъ или новѣйшихъ Арцыбашевыхъ и Куприныхъ. Впрочемъ, послѣдніе два писателя — это ужъ продуктъ новѣйшихъ дней, ихъ произведенія требуютъ спеціальнаго толкованія, потому что новые писатели имѣютъ особый трафаретъ и по немъ разрисовываютъ разные узоры въ стилѣ «модернъ», похожіе на неприличныя фотографіи... Но о нихъ я говорить не имѣю желанія. Богъ съ ними!

VII.

Изъ многихъ біографій Чехова, придуманныхъ воспоминаній о немъ и слащавыхъ характеристикъ я отмѣчаю статью нѣкоего г. С—ого въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1908 годъ. Она называется «А. П. Чеховъ — лавочникъ». Г. С—ой, внѣ всякаго сомнѣнія, зналъ лично Чехова ребенкомъ и подлинно съ натуры списалъ его неприглядное дѣтство.

По его описаніямъ получается слѣдующее.

Чеховъ-отецъ торговалъ въ Таганрогѣ мелочнымъ товаромъ, и всѣ дѣти этого купца были сидѣльцами въ его лавкѣ. Общей участи не избѣгъ и Антоша Чеховъ. Авторъ статьи мрачными красками рисуется Павла Егоровича Чехова, расправлявшагося съ мальчиками-сидѣльцами и собственными дѣтьми прямо съ звѣрской жестокостью. Собственно, лавка у Чехова-отца была въ то же время и питейнымъ заведеніемъ. Туда «гости» ходили пить водку и вино. Старикъ-Чеховъ торговалъ и аптекарскимъ товаромъ, и даже, несмотря на свое круглое невѣжество, лечилъ народъ. Антонъ Чеховъ, по словамъ г. С—ого, послѣ не разъ говаривалъ:

— Много, вѣроятно, отправило на тотъ свѣтъ людей это «гнѣздо» (одно изъ «средствъ» П. Е. Чехова).

Г. С—ой, описавъ отца Чехова ужаснымъ деспотомъ, рисуетъ его и невѣроятнымъ ханжой. Мало того, что онъ самъ предавался съ азартомъ чтенію св. книгъ, но и дѣтей, въ видѣ эпитимьи, награждалъ этимъ удовольствіемъ. Самъ онъ «не понималъ» тѣхъ каѳизмъ, которыя прочитывалъ, и вообще его религіозность остроумно уподобляется г. С—ымъ молитвѣ калмыка, вертящаго мельницу, внутренность которой начинена бумажками съ молитвами: чѣмъ больше разъ обернется мельничка, тѣмъ ближе калмыкъ къ Богу...

Уходя изъ дому, старикъ-Чеховъ не пускалъ дѣтей гулять, а приказывалъ:

— Прочитай двѣ каѳизмы! Да не отлынивай, а не то—березовой каши поѣшь!

Вообще съ дѣтьми онъ не церемонился, называлъ ихъ свиньями, негодьями, скотами, поминутно надѣлялъ затрещинами и часто поролъ, по собственному выраженію, «какъ сидоровыхъ козъ».

Антоша Чеховъ, поступивъ въ гимназію, спросилъ одного новаго товарища:

— Тебя часто сѣкутъ дома?

И очень удивился и даже не повѣрилъ, услыхавъ, что того никогда не сѣкутъ. И г. С—ой говоритъ, что у дѣтей П. Е. Чехова не было дѣтства, и Антоша Чеховъ считалъ себя несчастнымъ во всѣ ребяческіе годы. Не правда ли, какъ это ужасно!?

Мать Чехова, по словамъ г. С—ого, заступалась за дѣтей, но П. Е. Чеховъ не обращалъ на нее вниманія. Кромѣ того, г-жа Чехова давала такіе отвѣты на вопросы Антоши и другихъ дѣтей, что нравственной пользы не получалось. Напримѣръ, кто-нибудь освѣдомляется: можно ли продавать спитой и подкрашенный чай, какимъ торговали въ лавкѣ Чеховыхъ?

— Должно быть, дѣточка, можно, (!)—говорила г-жа Чехова:—папаша не сталъ бы продавать сквернаго чая!

Но Антоша и другія дѣти не вѣрили этимъ словамъ... Еще бы вѣрить!

Между тѣмъ, старый Чеховъ торговлей до того заморилъ дѣтей, что, по словамъ г. С—ого, Антоша всегда неудержимо плакалъ, идя въ лавку, а Саша обѣщалъ покончить съ собой...

Нужно ли еще приводить что-нибудь къ обрисовкѣ портрета отца Чехова? Я думаю, портретъ и такъ ясенъ, и жизнь въ дѣтствѣ всѣхъ Чеховыхъ, и знаменитаго Антоша, и незнаменитыхъ его братьевъ, является почти мученичествомъ. Не даромъ А. П. Чеховъ, жалуясь, что его сильно били и сѣкли, когда услыхалъ слова матери: «Ты это, Антоша, выдумываешь!» съ жаромъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не выдумываю! Меня всегда драли, вотъ, ей-Богу, драли розгами!

И, говоря такъ, онъ даже, по старой памяти, перекрестился, и на мгновеніе его лицо приняло дѣтски-плаксивое выраженіе...

Итакъ, А. П. Чеховъ не могъ вынести изъ семьи никакихъ хорошихъ воспоминаній. Изъ братьевъ онъ любилъ болѣе другихъ художника Николая, съ остальными былъ всегда довольно сухъ и безразличенъ. Несомнѣнно, все хорошее, что имѣлъ Чеховъ, далъ ему университетъ. Въ университетѣ онъ нравственно отдохнулъ и освободился отъ домашняго гнета. А когда явилась на помощь литература съ ея удачами и ореоломъ славы,—для Чехова настали дни счастья, свободы, путешествій, интересныхъ знакомствъ и общаго поклоненія...

Но онъ, очаровательный, всѣми привѣтствуемый, весьма талантливый, но вовсе не великій, не удержался въ границахъ, предопредѣленныхъ ему судьбой. Онъ мнилъ о своихъ силахъ больше, пытался сказать свое особенное мощное слово, но здѣсь, рубя дерево не по плечу, надорвался и выбился изъ послѣднихъ силъ. Здоровьемъ онъ былъ слабъ,—это лавочка отца подарила ему и Николаю Чехову склонность къ чахоткѣ. Разочарованія и огорченія позднихъ лѣтъ помогли этой болѣзни, и Чеховъ скончался сравнительно молодымъ человѣкомъ, всего 42 лѣтъ отъ роду. Эта смерть принесла искреннее огорченіе всѣмъ его настоящимъ друзьямъ и поклонникамъ. Въ Чеховѣ мы всѣ потеряли лучшаго изъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ, который, придя въ зрѣлость, вѣроятно, создалъ бы что-либо — не скажу, геніальное,—но, несомнѣнно, замѣчательное, особенно теперь, послѣ движенія 1905 года, послѣ манифеста 17-го октября и созданія въ Россіи парламентскаго строя жизни. Воспоминатели о Чеховѣ и его черезчуръ горячіе поклонники ужъ успѣли назвать его «великимъ писателемъ земли русской». Право, эти добрые люди похожи на старинныхъ плакальщицъ по найму, которыя заливались горючими слезами о невѣдомомъ имъ покойникѣ, котораго онѣ, надѣляли всякими высокими качествами, будто бы имѣвшимися у него въ изобиліи; но такое причитаніе роднѣ всегда нравилось; это былъ обычай, и его строго исполняли.

Но въ литературѣ отъ такихъ обычаевъ и плакальщицъ давно пора отвыкать. Давая вмѣсто характеристики какой-то изступленный гимнъ, популяризаторы имени Чехова дѣлаются и сами смѣшны и дѣлаютъ смѣшнымъ предметъ своихъ преувеличенныхъ похвалъ. Дорогія черты выдающагося человѣка только тогда ясно обрисовываются въ нашихъ воспоминаніяхъ въ прекрасный образъ, когда эти черты положены вѣрной рукой. Не надо ни прикрасъ, ни ума-

ленія подлинныхъ достоинствъ разбираемаго писателя, и портретъ отъ этого только выиграетъ. Этимъ самымъ правиломъ руководствовался и я, набросавъ мою настоящую замѣтку о писателѣ, съ которымъ я вмѣстѣ работалъ въ однихъ изданіяхъ, и о человѣкѣ, котораго я глубоко любилъ, а талантомъ его искренно восхищался. Если же я не вычеркнулъ въ характеристикѣ Чехова кое-какіе минусы, о какихъ мнѣ до сихъ поръ читать нигдѣ не приходилось, то я скажу, положа руку на сердце, что характеристика выдающагося общественнаго дѣятеля есть такая пѣсня, изъ которой ни одного слова не выкинешь..

P. S. О Чеховѣ мнѣ, вѣроятно, придется написать еще статью; скоро ли я исполню свое намѣреніе, не знаю, но мнѣ хочется поговорить о вліяніи Чехова на нашу литературу и о тѣхъ беллетристахъ, которыхъ у насъ одно время называли «чеховцами». Въ эту же статью я включу нѣкоторыя письма Чехова, письма о Чеховѣ литераторовъ, издателей и разныхъ общихъ нашихъ знакомыхъ, конечно, такихъ, которымъ я вѣрю и знаю, что они не допустятъ въ своихъ письмахъ ни одного слова неправды.

Н. Ежовъ.

